

ПАМЯТЬ В ОПАСНОСТИ. АРМЯНСКИЙ ОПЫТ В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ

*Мигран Дабар**

11 сентября 2001г. стало отчетливым поворотным пунктом в международной политике. Это, вероятно, в меньшей степени касается реально-политических намерений и целей международных политических отношений: здесь по-прежнему речь идет о традиционных гегемонистских устремлениях, направленных на реализацию политических интересов, которые теперь стали преследоваться лишь несколько более открыто и наступательно, чем в течение последних десятилетий. Тем не менее, можно констатировать новый этап относительно политической аргументации и перспектив международной политики.

Действительно, сегодня политические акторы не только ставят в основу своих заявлений такие аспекты как формирование общества и ответственность, но принимают в расчет возможность самим проводить эти формирующие преобразования. Горизонт претензий не ограничен при этом ни национальным, ни региональным измерением. Речь идет о формировании мира как целого. В политических проектах начала XXIв. речь снова идет об идентичности, о стабильности и силе, однако особенно – о структурах, порядке, иерархии и властных притязаниях.

Поворотный пункт в перспективах международной политики, который имеет такие большие последствия для поиска армянами своего будущего, может быть описан следующим образом: поворот от понимания мира как *политического контекста*, сформированного, с одной стороны, многосторонним сотрудничеством, а с другой – конфликтами, к пониманию мира как *глобального общества (Global Society)*. В этом обществе речь идет не о сообществах и их политических формах, не о государствах и их структурах. Взгляд, напротив, уст-

* Доктор, профессор, директор Института Диаспоры и Геноцида при факультете истории Рурского университета Бохума (Германия).

ремляется на регионы и их риски. Таким образом, речь идет о глобальных акторах и глобальных полях деятельности мировой политики – снова и снова об угрозах и рисках.

При этом уже с середины 90-х гг. XXв. взгляд определяющих международную политику сил был направлен на так называемые *мировые риски* (*World Risks*), которым будут противостоять государства мира: наряду с констатацией слабости государства и демократии называются и такие процессы, как возникновение иррационально действующих «новых вооруженных стран»¹ (*New Weapon States*), разновидности религиозного фундаментализма, международный терроризм, глобальный дефицит ресурсов (вода, нефть) или изменения климата и климатические катастрофы. Когда в конце 90-х гг. эти риски были озвучены на мировых политических конференциях, параллельно проявились процессы, обнадеживающие для носителей армянской памяти:

- Интернет стал не только платформой объединения европейских сообществ, но служит обмену знаниями.
- Создание Международного уголовного суда и его интенсивная работа в рамках трибунала по бывшей Югославии обещало начало новой главы в международном стремлении противостоять преступлениям геноцида и тем самым свидетельствовать о чувствительном отношении к опыту геноцида.
- Также казалось, что международные дискурсы, такие, как дебаты по поводу «коллективной памяти» или «культуры памяти» сулили воспоминаниям жертв, а также самим жертвам место в мировой истории.

Однако представление о том, что мировая политика начинающегося XXIв. будет отмечена коммуникацией и объединением, а значит – новой открытостью, возросшей этичностью разума и ответственностью, оказалось ошибочным. Важно при этом в новом контексте представить себе, что на самом деле несет с собой акцентирование воспоминаний и культуры памяти в той форме, в которой оно проявилось в политике.

Путь в XXI столетие, в новый глобальный мировой порядок, должен основываться на общей памяти войн и насилия, которые так сильно повлияли на облик Европы в XXв. При более пристальном рассмотрении политических дискурсов, в которых категория «памяти» является центральным ориентиром, быстро выясняется, что историческая ответственность только косвенно, в форме особого вида ответственности перед жертвами, является ответственностью за преследования и насилие, войны и выселения. С другой стороны, европейская политика памяти затрагивает также такие аспекты, как злоупотребления вла-

¹То есть новых стран, обладающих оружием массового уничтожения. – Прим. ред.

стью, недостатки демократии, образы врага в политике. Если речь заходит о «памяти», это тесно связано со специфической формой политики. В такой политике конструируется общая, связующая, глобальная память. При этом в центре оказывается не многообразие различного опыта. Напротив: интерес направлен на конструирование общезначимой и освобожденной от специфического опыта «памяти» как морального императива. От такой общей памяти много ожидали накануне XXIV., однако распад Югославии и последовавшие войны, как и вооруженные конфликты в частях распадавшегося Советского Союза, вызвали с точки зрения европейских властей проблему, которую назвали призраком (воображаемой угрозой), подразумевая призраком нового образования этническо-национальной идентичности, для которого в политическом дискурсе вскоре был найден термин «балканизация».

11 сентября на уровне международной политики окончательно сдвинуло баланс в сторону тех, кто – особенно в контексте югославских войн – указывал на «опасность» политики идентичности негосударственных наций и этносов, а также диаспор как на новый мировой риск. При этом речь идет – цитируя британского политолога Мэри Кэлдор, чей анализ «старых» и «новых» войн (*„New and Old Wars. Organized Violence in a Global Era“, Stanford/Cambridge 1999*) является основой новой политики усиления властных позиций государства, – о «недовольных группах, живущих на чужбине, преимущественно в новых плавильных котлах наций, и утешающих себя абсолютно далекими от реальности фантазиями о своих корнях».

Сообщества-диаспоры представляют существенную опасность – в этом в последние годы в своих исследованиях и анализах соглашаются с Кэлдор многочисленные политологи. «Горизонтальные и вертикальные» связи таких сообществ и националистическая политика идентичности составляют, по их мнению, опасные свойства групп, которые не хотят покоряться государственным границам. Влиятельный немецкий политолог Ульрих Шнекенер в одной из своих аналитических работ причислил диаспоры к группам, которые «не хотят мира», и однозначно определил их как «нарушителей спокойствия». В своем исследовании он особое значение придает тому, чтобы описать структуры, деятельность и поведение диаспоры как «радикальные» и как «эгоцентристские», то есть как деятельность, направленную в основном на себя же. Понятие «эгоистических интересов опасных акторов» (*egoistic interests of risky actors*) является одним из наиболее часто употребляемых понятий в международной политической теории после 11 сентября. На этом фоне требование армянами признания геноцида выглядит как ретроградная позиция, основывающаяся исключительно на собственных интересах, препятствующая политической коммуни-

кации с Турцией и приводящая к конфликтам – при этом сегодня с этими конфликтами обращаются так, как будто у них нет предыстории.

Конфликты при этом рассматриваются как потенциалы риска, чей ход может лишь с трудом поддаваться оценке. Так, ввиду тесного переплетения и взаимосвязанности глобального мира, подтверждается опасность того, что любой конфликт на краю мира может расшатать весь мировой порядок. По этой причине на первый план современной политики выходит смягчение и урегулирование конфликтных потенциалов. И как раз это является большой угрозой, с которой сегодня сталкиваются армяне и армянская история.

Если международное сообщество упорно настаивает на том, что Армения и Турция должны сесть за один стол, чтобы «поговорить» о прошлом и будущем, если из процесса исключается собственно потерпевшая сторона, а именно армянская диаспора, то за этим стоит как раз глобальная стратегия властей, решающих политику мира сего. Эта стратегия превращает *историческую достоверность* геноцида и его социальных последствий, коснувшихся целых поколений, в *политическое разногласие*. Поскольку такое политическое *разногласие*, которое в итоге является не более чем затянувшимся расхождением во мнениях, может стать частью повседневной политики. При этом такая стратегия направлена на то, чтобы снизить потенциальные риски. За столом переговоров, который планирует международное сообщество для памяти о геноциде, речь идет о примирении и возможно даже о символическом признании Турцией геноцида в форме «и да, и нет»¹. Но организацией такого стола преследуется одна важная цель, и это не признание геноцида, не прекращение его отрицания – целью является погашение конфликта, который больше не должен создавать политических проблем.

Проблемой является не только сама эта стратегия, в рамках которой армяне принуждают вести переговоры по поводу своей истории. Проблема в том, что сегодня на фоне новой политики мирового порядка в глобальной мировой политике больше не осталось места, где можно обратить внимание на такие стратегии. И тогда историческая достоверность геноцида объявляется разногласием во мнениях между двумя государствами. И тогда опровергается идеологический характер мышления преступника. И тогда настойчивость армян относительно своей истории принимается не как часть их исторической идентичности, а трактуется как выражение хронической модели поведения нарушителя спокойствия.

¹Здесь автор использует неологизм, комбинирующий слова «да» (ja) и «нет» (nein) в одном слове „jein“. – Прим. перев.

Таким образом, очевидно, что эти новые политические стратегии после 11 сентября направлены как раз против сообществ, которые имеют радикальный опыт столкновения с уничтожающим насилием, – напоминать о нем стало требованием культуры памяти, определяющей политическую риторику. Политика памяти, какой мы знаем ее сегодня, стремится стать абстрактной культурой памяти, освобожденной от носителей самой этой памяти, от жертв и последующих поколений. Должна быть сконструирована в одинаковой степени для всех обязывающая память об опыте насилия, общем для жертв и преступников – несмотря на то, что опыт жертв и преступников принципиально различен и не подлежит сравнению друг с другом, так как они стоят на двух диаметрально противоположных полюсах насилия.

В контексте этой стратегии политики памяти, нивелирующей опыт жертв и преступников, специфика воспоминаний жертв и последующих поколений, отстаивание собственной истории, которая не растворяется в абстрактной глобальной памяти, понимаются как исключительное и реакционное упрямство. В особой степени это касается армянского сообщества, чья память об опыте геноцида была дискредитирована мощной политикой отрицания со стороны Турции, чье требование признания своей истории считается опасной помехой, отягощающей политические отношения с важным союзником и экономическим партнером. Так как парадигма культуры памяти, которая после опыта Холокоста стала политическим императивом, не может ставиться под сомнение, политическая стратегия преодоления этого препятствия направлена как раз против носителей памяти. И тогда политика Запада оказывается направленной не против сильного турецкого национального государства, пропагандирующего политическое отрицание, а против армянской диаспоры, следующей императиву воспоминания и требующей его соблюдения, из-за этого она почти единогласно дискредитируется в западных СМИ как националистическая и экстремистская.

Свое выражение эта стратегия находит не в последнюю очередь в требовании диалога, с помощью которого достоверность геноцида становится вопросом выяснения мнений. В таком диалоге настаивание на памяти о геноциде и требование признания видятся такими же националистическими, как и отрицание геноцида – тем самым память и отрицание рассматриваются параллельно. Проведение такой параллели пронизывает, кстати, весь окружающий «диалог» дискурс, так, что в этом контексте уже едва ли возможно найти какой-либо элемент, который бы не относился тождественно как к «турецкому национализму», так и к «армянскому».

Таким образом, мы сталкиваемся здесь с двойной стратегией мировых политических деятелей и Турции, а именно: наряду с государственной политикой

отрицания редуцировать, с одной стороны, дискурс о геноциде до обсуждаемого расхождения во мнениях, с другой – дискредитировать и маргинализировать армянскую диаспору как носителя этого опыта. Самым ярким образом эта стратегия проявляется в требовании диалога между Арменией и Турцией, который должен закончиться примирением.

Понятие «примирение» в целом вводится достаточно позитивно и является в политическом дискурсе после Второй мировой войны чрезвычайно важным. Если иметь в виду «немецко-французское примирение» после Второй мировой войны, то можно даже говорить о конкретной политике осуществления шагов навстречу друг другу и культурного обмена.

«Примирение» не является никоим образом только лишь пустой фразой по случаю памятных дат. Но если мы говорим о Турции и Армении, то мысль о примирении сегодня может оказаться политической ловушкой.

Под «политикой примирения» понимаются политические переговоры и программы, которые должны обеспечить появление конфликтующих сторон, как в нашем примере – немцев и французов, рядом за столом переговоров после совершившегося конфликта. В случае примирения обе конфликтующие стороны должны снова сделать шаги навстречу друг другу, они должны находиться в равноправном, симметричном отношении друг к другу.

В «политике примирения» мы имеем дело, таким образом, с солидарностью государств. «Политика примирения» должна служить тому, чтобы, пытаясь сгладить наиболее острые углы конфликта, обеспечить возможность сотрудничества на международном уровне, чтобы разряжать конфликты в мировом сообществе.

Однако сложно, если не сказать проблематично, говорить о примирении после геноцида. Так как геноцид не является результатом конфликта между двумя сторонами, находящимися на более или менее равных позициях. Политика геноцида характеризуется принципиально односторонним применением насилия и направленной волей преступника, то есть однозначной интенцией на насилие. В случае геноцида, таким образом, никогда не идет речь о противостоящих конфликтных сторонах, но о «преступниках» и «жертвах». На этом фоне следует спросить себя о том, при каких условиях может быть возможным «примирение» после случившегося геноцида. Является ли требованием такого примирения сознание преступника в содеянном и признание своей вины? Возможна ли надежда на прощение и тем самым на примирение без признания своей вины и гарантии ответственности?

Наверняка возможно, что начавшийся с предустановленными понятиями «диалог» и «примирение» процесс, который весьма способствовал осторожному

открытию темы в Турции, примет другое направление и приведет к другим результатам, а не к тем, которые закладывались архитекторами этой стратегии. Этого, однако, следует ожидать только в том случае, если армянская сторона сама направит внимательный и критичный взгляд на понятия и стратегии.

Таким образом, вначале важно констатировать: если сегодня речь заходит о примирении между Арменией и Турцией относительно геноцида, изначальная мысль о политическом примирении должна стратегически отступить на второй план. Если в отношении Германии мы говорим о всестороннем расследовании Холокоста, то мы имеем дело с работой по *переосмыслению истории*¹. Такое переосмысление и воспоминание означают, что нужно привыкнуть к тому, что граница между жертвами и преступниками останется навсегда. Примирение означает в Германии также искать примирения с собственным прошлым преступника, то есть принятие в качестве преступника своего прошлого. Однако если появляются требования диалога между Арменией и Турцией, то имеются в виду переговоры по поводу истории с тем, чтобы на место признания и работы по переосмыслению поставить примирение.

Что остается делать перед лицом разворачивания таких процессов и мощных, комплексных стратегий?

Для начала важно не позволить лишиться себя мужества и последовательно продолжать придерживаться своей настойчивости, а также осознанно и четко формулировать собственную позицию. Мы должны делать то, чего опасаются сильные государства глобального мирового порядка, озабоченные спокойствием в собственном доме: не прекращать предъявлять свои претензии на пространство деятельности в политике. При этом должна быть осознана описанная выше смена парадигм в стратегии международной политики, и с учетом этого должны быть скорректированы наши собственные стратегии. Здесь диаспоре отводится особая роль. Потому что в контексте новой политики мирового порядка от Республики Армения, как от маленького государства в геостратегически важном регионе, требуется подчиняться логике действий национальных государств. Диаспора же, которая по причине своих децентрализованных и связанных между собой структур представлена в различных точках мира, может нарушить эту логику действия в ее гегемонистском принуждении и стать политически значимой. Диаспора может влиять на политику соответствующих правительств, она может отстаивать свое право на собственную историю и память, может, в отличие от национального государства, по-другому возражать против

¹ Используется принятое после Второй мировой войны понятие «*Aufarbeitung*» (переработка), собирающее на себе весь комплекс работы с опытом насилия и агрессии Германии во Второй мировой войне, включающей в себя как теоретическую, интеллектуальную работу, так и действия в сфере культуры и образования. – *Прим. перев.*

аргумента, что тем самым она встает на пути союзно-политического расчета или на пути развития мировых финансовых рынков.

Это различие в пространствах деятельности национального государства, с одной стороны, и диаспоры, с другой, приводит к описанной выше активной дискредитации диаспоры с целью ее исключения из процессов. Не напрасно диалог постоянно предлагается исключительно Республике Армения, подчиненной логике поведения властей, решающих политику мира сего.

Однако чтобы разобраться в мировой политике и оказывать на нее влияние, необходимо знать ее концепты и понятия, а также жить в ее центрах. Только благодаря нашим собственным голосам в мировых центрах нам может сегодня удастся отвоевать место для армянской памяти, армянских интересов и армянского будущего. Тогда – и только тогда – появится возможность объяснить следующим поколениям, почему важно сопротивляться мировой политике. Именно по той причине, что децентрализованная структура диаспоры является неперенным условием для деятельности в различных центрах мира в разных ролях и с разными возможностями, эта децентрализованная структура не должна ослабевать. Напротив: она должна усиливаться, а ее связи – оптимизироваться.

При этом мы должны осознавать, что вопрос, который мы сегодня ставим: что необходимо сделать, чтобы обеспечить армянам свое место в мире и присутствие как и участие в политике? – не является новым вопросом, а тем, который нас постоянно сопровождал. В действительности, столетиями каждое поколение заново ставило этот вопрос. И относительно будущего армян всегда было два ответа: один – для родины, другой – для многочисленных сообществ на чужбине. Обе эти опоры мы должны равнозначно усиливать. Мы должны образовывать сети знания и через эти сети активно оказывать влияние на политику. И это не только на пользу нашим «собственным» или «эгоистическим» интересам. Но сегодня также преследуется цель противопоставлять себя новым государственным гегемониям и национализмам.

В то время как национальные государства собирают на своей стороне все права и провозглашают себя хранителями знания, заступниками и гарантом безопасности, здоровья и права, сообщества-диаспоры имеют не только древнюю историю, но и самокритичное прошлое. Поэтому именно диаспора может заявлять о своем праве на соавторство во введении к истории мира, которая будет заново написана в эпоху глобализации. Время просьб о признании истекает, потому что глобальный мировой порядок будет держаться твердыней «сильных государств» (*strong states*). И наша задача заключается в том, чтобы быть крити-

ческим и ангажированным потенциалом в этой твердыне, чтобы добиться из диаспоры утверждения армянской истории во всеобщем знании и тем самым в политике как не подлежащего переговорам достояния.

Поэтому я считаю, что нам следует, с учетом предложенных здесь размышлений, заново концептуализировать наши действия до 2015г., чтобы суметь развернуть дискурс об армянском опыте, который сегодня могут отобрать из рук его носителей. Это означает, что дискурс о геноциде должен быть изъят из определяющей его сегодня дискуссии по замкнутому кругу «Геноцид – Да-или-Нет», в которой жертва, редуцируясь до статуса стороны в конфликте, подчиняется в итоге власти отрицания и втискивается в логику преступника. Поэтому для армян не в последнюю очередь будет иметь значение интеллектуализация своей истории и опыта. Под этим я понимаю то, что армянский опыт должен подвергнуться рефлексии и должно быть исследовано его значение для основополагающих аспектов мышления, общественных отношений, индивидуума, этики и политики. Таким образом, в общих рамках может быть прояснена актуальность этого опыта для основных проблем индивидуального и коллективного существования, и работа с армянским опытом может быть защищена от упреков в национализме или затаенной обиде. На мой взгляд, было бы, например, важно возобновить и продолжить те полиперспективные литературные, художественные и философские работы по осмыслению армянского опыта, которые были начаты в 20-х гг. XXв. При этом должно быть ясным то, что мы здесь имеем дело с чрезвычайно характерными и обширными рефлексиями типичного современного опыта, выходящего за пределы армянской специфики.

То, как могут быть реализованы эти принципиальные идеи, я бы хотел показать некоторыми, наверняка не исчерпывающими, конкретными предложениями:

- Поддержка исторического исследования, которое не должно больше концентрироваться на поиске доказательств или ограничиваться им, а должно внимательно рассмотреть все до единого аспекты уничтожения армян в Османской империи (предыстория, структуры реализации, идеологические аспекты, розыск преступников). Тем самым может быть создана рамка освобожденной от необходимости поиска свидетельств, многоплановой и обстоятельной научной работы над этим вопросом.
- Поддержка междисциплинарности в работе над вопросом геноцида и его последствий. Следовало бы также подумать о том, чтобы задействовать перспективы среди прочего социальной психологии, социологии, исследования травм, литературоведения и художественной истории.

- Учреждение исследовательских и научных стипендий для ученых, занимающихся подобным образом проблемой геноцида. Для обеспечения целенаправленной исследовательской политики и поддержки следует подумать об образовании специального фонда.
- Переводы и переиздания литературных размышлений по поводу армянского опыта в литературе 20-х гг. XXв.

В конечном счете, память о геноциде и настаивание на его признании можно было бы убрать с переднего плана исходного политического требования и не в последнюю очередь противодействовать политической инструментализации дискурса о геноциде, которая отмечается в требуемом «диалогизме».

Более того, на фоне описанных выше актуальных мировых политических процессов чрезвычайно важно, чтобы в будущем при концептуализации наших стратегий, на конференциях, слушаниях во время различных действий, а также при формулировании наших требований (компенсаций, репараций и т.д.) мы консультировались с учеными и политиками, хорошо знакомыми с глобальными политическими процессами и интерпретациями понятий.

Настало время, когда место постулата морали, определявшей до сих пор наши усилия, должно занять знание. Это является необходимым условием для того, чтобы иметь возможность определяющим образом вмешиваться в дискурс и вернуть себе власть над определением значения понятий (категорий). Только так мы сможем, на мой взгляд, преодолеть позицию попрошайки и освободиться от зависимости (в которой виноваты мы сами) от третьих сторон, которые так хорошо чувствуют себя в роли «рационального, объективного посредника».

Сентябрь, 2010.

**MEMORY ENDANGERED.
ARMENIAN EXPERIENCE IN THE CONTEXT
OF NEW INTERNATIONAL POLICY**

Mihran Dabagh

Resume

The road to the 21st century, to a new global world order should be based on a common memory of wars and violence which had a great impact on Europe in the 20th century. While scrutinizing the political discourses where the category of memory is a central guideline, it becomes clear that historical responsibility only indirectly, i.e. in the form of special kind of amenability to the victims, is a responsibility for persecutions and violence, wars and evictions. On the other hand the European policy of memory refers to such aspects as abuse of power, shortcomings of democracy, and images of enemy in politics. In such policy a common, binding, global memory is formed. Here the softening and settlement of the conflict potentials come to the fore and this is a big threat which Armenians and Armenian history face.